

Татьяна Меньщикова, «Без фамилии»

emtes@yandex.ru

– В Питер поедем!

Отец бодрился, но я его всю жизнь знаю. За 16 лет уж как-нибудь можно разобраться, когда человек искренне радуется, а когда – притворяется, чтобы порадовать тебя.

– Круть!

– Правда же, – отец цепляется, как за соломинку, за призрак радостного блеска в моих глазах. – На развод мостов посмотрим, белые ночи зацепим, если совсем заскучаем – забуримся в Эрмитаж...

Мне смешно и от этого его «забуримся», и от попыток представить отца в Эрмитаже, а не у себя в строительном магазине. И тут же веселье захлебывается, тонет в неприятных воспоминаниях.

– Пойду проверю, как там сборы.

Нет больше магазина. Отец продал. И машину продал. Он бы и от квартиры избавился, но куда нас с мамой деть? А вчера вечером я слышал, как он разговаривал по телефону с риелтором. Если я все правильно понял, расклад такой: обменять нашу двушку на студию с доплатой. Документы отцу уже завтра пришлют.

Я пытаюсь представить мамино лицо, когда она узнает об этой сделке. И не могу. Квартира нам осталась от бабушки, мама здесь выросла, обожает наш район, всех тут знает. И как мне быть? Сказать ей? Тогда я сорву отцу сделку и, скорее всего, это будет стоить мне жизни. В конечном счёте. Отец совсем отчаялся, раз решился на такое. А я?

Я перезагружаю браузер, обновляю страничку...

200 рублей за последние 10 часов.

Я труп. Мы так часто с пацанами говорили, когда схватывали пару или сильно домой опаздывали: «Ну все, я труп». Тогда это слово было совсем не страшным, таким же как «дом», «пень», «слон».

Теперь не так. Мой «труп» имеет цену - 21 тысяча евро, у него есть диагноз, фамилия и имя... У него мое лицо. Очень жутко смотреть ему в глаза всякий раз, когда пробую представить, что со мной будет через год. Вот что! Если только не случится чудо, если только...

Я обновил страничку.

200 рублей за последние 11 часов.

– Артурчик, не смотри туда, не надо. Оно как-нибудь само наберётся...

«Если не смотреть», – хочет, наверное, добавить мама, но замолкает. Мы с ней теперь поменялись ролями: она – маленькая девочка, которая верит во всю эту чушь с волшебными словами, дедами морозами и крокодилами в черных плитках на полу больницы, а я теперь – совсем взрослый, мне через месяц 16. Если не провести трансплантацию в ближайшее время, лейкоз меня прикончит. Я без месяца труп.

300 рублей за последние 12 часов.

Да, сейчас я в ремиссии, второй раз за последние 4 года. Но какой ценой?

Обычная химия вроде бы помогла. Сами курсы – еще фигня, а вот на поддерживающей приходилось каждый день глушить таблетки и каждую неделю уколы делать – та еще радость. Я тогда бледной тенью Артура стал. И лысина мне не идет от слова «совсем». Череп бледный, лицо вытянутое... Буэээ.

Конечно, Алена меня бросила. Жалостливо так, осторожно слилась. Мы и повстречаться-то успели 11 дней всего, не поцеловались ни разу даже. Я, как осел, еще три месяца думал, что мы пара, что у меня есть девушка... Удивлялся, что отвечает на сообщения так сухо и никогда первая не пишет! Пень...

Однажды я увидел в окно, как они с Никитосом целуются. Прямо перед моим домом! Никитос мне, конечно, не друг, просто одноклассник, но он – четкий парень, за спиной и втихаря не стал бы ни с кем мутить. Значит, они меня совсем со счетов сбросили, как «дом», «пень», «слон», «труп».

Я так разозлился! Кажется, на одной злости в ремиссию вышел. Только рак меня все равно через год достал, вернулся, как миленький, еще злее. Отцу предложили отправить меня в Москву, там что-то химичили с триоксидом мышьяка. Сказали, что во всем мире им давно лечатся, а у нас он не зарегистрирован. Я вот тоже думал, что мышьяком только важных шишек в средние века травили. Выходит, мой рак – практически аристократ. «Мой» – забавно...

300 рублей за последние 13 часов.

Раз лекарство не зарегистрировано, квоты на него ждать нечего. Отец продал свой бизнес, машину, пожалуй, и почку бы продал, да кому его почка нужна? Мы достали то лекарство, целая эпопея – как его из Индии везли. Я снова «победил рак». Я так думал. Два года держался на терапии. И вот опять.

Мама боится говорить слово «лейкоз», ей хватает «эта болезнь», а лучше совсем про нее не разговаривать. Он как Сами-Знаете-Кто, который живёт внутри меня. Никогда бы не подумал, что превращусь в профессора Квиррелла. Или как там его? Проблема в том, что

Волан-де-Морт был частью Квиррелла. Профессора не стало, а Темный Лорд преспокойно себе воскрес. Вдруг и со мной та же история? Артур сгинет, а лейкоз будет жить в ком-то другом...

«Ищите донора». Врачи развели руками. Родители не годятся, других родственников у нас нет, а мне нужен мой генетический близнец. Как в индийских фильмах, где-то по свету бродит человек и даже не знает, что я его разыскиваю. «Эй, мне нужен твой костный мозг! Вопрос жизни и смерти, буквально».

Трансплантацию обещали сделать бесплатно в Питере. Но донора искать надо за свой счет. Вот только никакого счета у нас давно нет. Последнее отец ухнул, чтобы проверить российскую базу. Никого. Или, может, никого, кто захотел бы поделиться своим костным мозгом. Жалко ему, что ли? Да, я читал, что процедура так себе... Но я же хочу жить!

Проверить международную базу доноров стоит 18 тысяч евро. Плюс 3 тысячи евро вынь да положь, чтобы костный мозг привезли в мою больницу.

Но денег нет, и мы вышли с протянутой рукой на весь интернет. Есть специальные сайты, которые собирают деньги для таких, как я. Сначала сбор открыл благотворительный фонд, потом они задружились с одним из таких сайтов. Очень трогательную историю про меня там забацали, фото красивые, еще до болезни. Только никто не торопится мне помогать.

1000 рублей за последние 24 часа.

Отец поехал встречаться с риелтором. Самое смешное, что этих денег все равно хватит на Питер, но не на поиск донора. Отец ухнет все ради надежды, которой нет. Ради меня.

Я не мог больше сидеть и обновлять этот дурацкий сайт. Я им позвонил. Не через фонд, напрямую, в редакцию. Ответила какая-то девушка, Настя. Я спросил, как есть: «Почему никто не жертвует деньги на мое лечение? Вы же обычно хорошо собираете, быстро!»

Настя замялась и вдруг уточнила, кто еще со мной в комнате. Я один.

– Понимаешь, Артур, твоя фамилия... И фото... В общем, люди – очень странные, я их не оправдываю, я пытаюсь объяснить.

Она говорила так, будто просила прощения. За что? Я все понял. Всем плевать, что я тут родился и вырос. Что мама с папой тоже родились и выросли – ЗДЕСЬ. Но моя фамилия. Но моя внешность. «Пусть ваши вам на лечение собирают», так?

Я увидел в зеркало, как мое лицо медленно пламенеет. Так не пойдет. Злость мне не поможет. И стыд тоже. Отец продает мамину квартиру. Мы поедем в Питер, будем смотреть Эрмитаж.

Я говорю, что перезвоню. Беру с полки пыльную селфи-палку, надеваю стильную шапочку, выбираю режим, поворачиваюсь к окну... Одно черно-белое фото. Силуэт с едва различимыми чертами на фоне окна. Голые ветви клена превращают его в соборный витраж.

Высылаю фото милой Насте с припиской: «Можно просто Артур. Без фамилии».

Мою посуду, а в голове моей все вертится: «дом», «пень», «слон». Обновляю сайт.

72 тысячи рублей за последние два часа.